

Наследный принц, полный обиды, принёс извинения. Матушка взглянула на отца, и тот наконец фыркнул: «Раз уж твоя матушка за тебя просит, указ с суровым выговором Дай Чжидэ пока отложим, сохраним тебе лицо. Впредь ничего подобного не допускай».

Наследный принц с силой ударился лбом о пол и тихо произнёс: «Ваш слуга признаёт ошибку». Я заметила, как супруга наследного принца беспокойно пошевелилась, словно желая подняться, но Туаньэр поспешила её удержать, сияя улыбкой: «Говорят, первые месяцы самые важные, ни в коем случае нельзя утомляться. Супруга наследного принца, прошу вас, не вставайте». Затем она с улыбкой обратилась к Ваньэр, которая появилась рядом неизвестно когда: «Сестрица Вань, разве не так?»

Ваньэр бесстрастно ответила: «Госпожа Туаньэр преданна и любит государя, её слова и деяния всегда следуют воле Её Величества. Естественно, она не может ошибаться».

Я посмотрела на Ваньэр, затем на Туаньэр, потом на супругу наследного принца и молча отпустила её руку. Быстро взобравшись на тронное возвышение, я прижалась к матушке. Та привычно обняла меня, по-прежнему поглаживая мою голову и шею, и лишь улыбалась, ничего не говоря.

Хотя во дворце для меня и не проводили никакой официальной церемонии, многое явно изменилось. Первым делом всех моих кормилиц постепенно отпустили из дворца. Все они были женщинами в расцвете сил, у большинства за стенами дворца имелись семьи, дети, да и ранги у них были немалые. В мою прежнюю эпоху они бы соответствовали уровню городского или уездного начальства. А теперь они задерживались во дворце ради одной-единственной принцессы, уже совершенно не нуждавшейся в молочном вскармливании, — жалкое зрелище. К тому же все они были опытными, с высоким статусом, с детства меня вырастили и в обычное время нередко позволяли себе ворчать, опираясь на свой возраст. Я и сама часто ими тяготилась, поэтому в этом деле ощутила некоторое облегчение. Когда матушка спросила, не хочу ли я оставить одну-двух во дворце, я поспешно замотала головой, велела выдать каждой по триста отрезков шёлка и с радостью проводила их.

Вторым изменением стали мои занятия. Если следовать установленному порядку, то и моё, и Ли Жуя обучение были исключением из правил. Он, неженатый, уже выехал из дворца и поступил в Академию Хунвэнь, обзавёлся собственными наставниками, друзьями, чтецами, учёными и ректорами, но всё равно часто оставался во дворце и занимался вместе со мной. Я же, как девица, вообще не должна была учиться наравне с принцами, однако с детства посещала занятия у наставников, чтецов, учёных и каллиграфов Ли Жуя, изучая не женские добродетели и правила внутреннего распорядка, а «Цзи цзю чжан», «Вэнь сюань», «Лао-цзы», а порой и вместе с наследным принцем или Ли Жуюем слушала лекции по Пяти канонам. Недавно матушка повелела Мяо Шэнькэ, Лю Ичжи и другим наставлять меня в канонах и истории. Эти двое составили для меня программу: сначала «Сяоцзин», затем «Луньюй», вперемешку с «Ши» и «Эръя». Однако матушка приказала мне изучать ещё и «Чуньцю Цзочжуань» с «Гоюй» — все эти тексты входили в программу большой и малой классики Государственного училища, и сдача даже двух канонов уже давала право на должность. По нынешним обычаям подобное явно не входило в круг занятий юной девицы. Однако, находясь во внутренних покоях, я, кроме матушки, никому не была подотчётна, и до сих пор проблем не возникало. Но с наступлением зрелости всё переменялось. Несколько знатных жён из императорского клана подали доклады с увещеваниями. Матушка, не в силах переубедить их всех, добавила в мою программу правила для женщин и женские наставления. Раньше я занималась в боковом зале Чертога Чжэньгуань под руководством академиков, но эти болтливые сановники возжелали, чтобы я обучалась во внутреннем дворце. В конце концов матушка заявила, что доступ учёных мужей в задние покои неудобен, специально выделила

небольшой двор в Зале Цзисянь, велела установить там ширмы и приказала мне учиться за ними, а наставникам — преподавать снаружи. Вход и выход сопровождался церемониальными заслонами, на занятиях присутствовали старшая женщина-чиновник с двумя или более служанками, один главный евнух с двумя или более младшими евнухами и двое или более стражников церемониала. Так я наконец-то получила законную возможность изучать каноны и историю. Отец, увидев, с какой серьёзностью матушка к этому подошла, тоже выдумал — откуда только что взялось — постановил, чтобы я, как и Ли Жуй, раз в десять дней сдавала проверочные работы, а по завершении изучения каждого канона — переводной экзамен. Несдача влекла за собой соответствующее наказание.

Третьим изменением стало моё ежемесячное содержание. Не то чтобы во дворце раньше осмеливались меня обделять, но с этого раза присылаемые вещи явно стали изысканнее и роскошнее. Особенно это касалось одежды от Бюро Шанфан: если раньше многие наряды с первого взгляда было сложно отнести к мужским или женским, то теперь присылали платья и юбки всех цветов с крупными складками и вышивками, инкрустированные и расшитые, — лишь бы не показаться недостаточно пышными, да и вырезы стали значительно ниже. Матушка также велела выдать мне множество дополнительных украшений и, по примеру «денег на бумагу, кисти, книги и тушь» для Ли Жуя, учредила для меня статью «денег на румяна и белила» — оба этих довольствия выплачивались матушкой из её доли как императрицы, минуя казённые хранилища, так что внешние чиновники не могли их оспорить. Ходили слухи, что сумма «денег на румяна» составляла лишь треть от «денег на бумагу и кисти». Судя по этому, суммы, которые матушка ежемесячно втайне добавляла Ли Жую, были поистине астрономическими. Ли Жуй, впрочем, не обманул её ожиданий: на эти деньги он заводил знакомства среди знатных семейств и литераторов, составлял книги, преподносил каноны — был невероятно занят. Наследный принц в последнее время, видя, что здоровье отца несколько поправилось, подал доклад с твёрдым отказом от обязанностей регента, ежедневно лишь читал и упражнялся в каллиграфии в Восточном дворце, параллельно руководя работой чиновников Восточного дворца над комментариями к «Хоу Ханьшу». Его слава, однако, меркла в сравнении с популярностью Ли Жуя.

В пятом месяце я крепче всего запомнила имя Лю Жэньгуя. Причина была проста: в четвёртом месяце мы потерпели поражение от Туфань, а в областях На и Цянь подняли мятеж местные племена. Матушка не слишком разбиралась в военном деле, поэтому вынуждена была просить отца, превозмогая болезнь, вернуться к управлению государством, дабы выбрать достойных сановников и полководцев, собрать войска и дать отпор врагу. Отец над этим немало посмеялся над матушкой, заявив: «Значит, есть всё же вопросы, в которых У Цинян не уверена», и намеренно дождался нескольких её просьб, прежде чем издать указ поставить Лю Жэньгуя во главе Таохэской армии, а также отобрать несколько отрядов для отдельных карательных походов. Матушка предложила набрать войска в Хэнани и Хэбэе, без разбора, знатные ли, простые — это и армию укрепит, и даст пристанище беженцам от засухи. Отец с готовностью согласился и весьма самодовольно изрёк: «Цинян могла бы стать шаншу лином. Вот только в ратном деле ей не хватает сноровки».

Матушка улыбнулась: «Естественно, не сравнюсь с Саньланом». А перед самым отъездом Лю Жэньгуя она специально велела мне встретиться с ним за ширмами, указала на меня и со смехом сказала ему: «Надеюсь, вы проявите доблесть в далёких краях, дабы у нашей маленькой девочки не было повода тревожиться о династическом браке». Затем приказала мне поклониться за ширмами, с большой сердечностью и глубоким доверительством. Вскоре после отъезда Лю Жэньгуя Вэй Шулиня отправили на должность цыши в область Минь, а начальника Императорского секретариата Вэй Сыцяня и заместителя начальника Военного приказа Цэнь Чаньцяня пожаловали званием «равного трём достоинствам» — сразу добавили двух

канцлеров. Это было предложение матушки. Она считала, что сейчас военные и государственные дела сложны, в Зале государственных дел не хватает людей, да и опыт этих двоих для канцлерского поста несколько маловат. Впрочем, поскольку число канцлеров всегда было нефиксированным, можно было добавить ещё двоих: достойных — использовать, недостойных — отстранить. Отец с ней полностью согласился.

Дождавшись, пока отец одобрит её предложение, матушка подала доклад с четырнадцатью пунктами: просила, чтобы все от вана и гуна вниз изучали «Лао-цзы»; чтобы по матери, чей муж жив, носили трёхгодичный траур цицуй; чтобы «Сяоцин» и «Луньюй» стали обязательными предметами на экзаменах; чтобы экзамен по канонам стал регулярным при проведении кэцзюй и проводился раз в год; просила увеличить жалованье столичным чиновникам; предложила заменить трудовую повинность для всех чиновников денежными выплатами шёлком; просила отменить трудовые повинности в районе Саньфу; чтобы после завершения строительства Дворца Шанъян более не затевали крупных строительных проектов; чтобы чиновников, долго не получавших повышения, назначали согласно их способностям и с учётом обстоятельств повышали или перемещали; просила расширить каналы для внесения предложений; запретить излишнюю роскошь и хитроумные безделушки; пресекать клеветнические речи; просила пожаловать отцу дополнительно два иероглифа в почётный титул; и просила провести обряд фэншань.

Первые двенадцать пунктов отец «с радостью принял и одобрил», а последние два — «решительно отклонил несколько раз». Лишь после того, как матушка, Ли Жуй и все чиновники один за другим подали доклады, он «с неохотой уступил». Однако почётные иероглифы были добавлены и императору, и императрице, став «Святым и Просвещённым Небесным императором» и «Святой и Просвещённой Небесной императрицей». Также был издан указ об установлении ритуала фэншань, причём матушка назначалась вторым совершителем жертвоприношения.

Боевые действия разгорались. Помимо Хэнаня и Хэбэя, отец приказал карательным армиям на местах набирать солдат прямо там. В указе говорилось: семьи, имеющие землю, выставляли одного взрослого мужчину, либо могли откупиться зерном, что приравнивалось к отбыванию трёхлетней пограничной службы; безземельные, беженцы, люди низших сословий могли добровольно вступить в армию, получая ранг в зависимости от их качеств, причём отличившимся оказывалась помощь и их семьям, а самым худшим выдавались паёк и оружие. Матушка же предложила ещё одну идею: учредить в Поднебесной военные экзамены. Те, кто сдавал хотя бы один из четырёх предметов — стрельба из лука, верховая езда, сила, искусство владения оружием, — получали право вступить в армию с военным званием девятого ранга. Если же у человека уже было звание, его повышали на один ранг. В результате, начиная с заслуженной знати и ниже, вся Поднебесная устремилась вступить в армию. В седьмом месяце я специально вышла на улицу с Вэй Хуань и видела: беженцев в буддийских монастырях, людей, продающих себя в рабство в людных местах, попрошайек на улицах — всех стало значительно меньше. Зато по улицам слонялось множество вербующихся в армию солдат. Цены на рис слегка упали, а на оружие, сёдла и сбрую взлетели в несколько раз.

Раньше к югу от моста Тяньцинь повсюду толпились фокусники и уличные артисты, а теперь улицы наполовину опустели. Я смотрела на эти безлюдные переулки, затем вдаль, на Дворец Шанъян за городской стеной, и не могла понять, что творится у меня на душе.